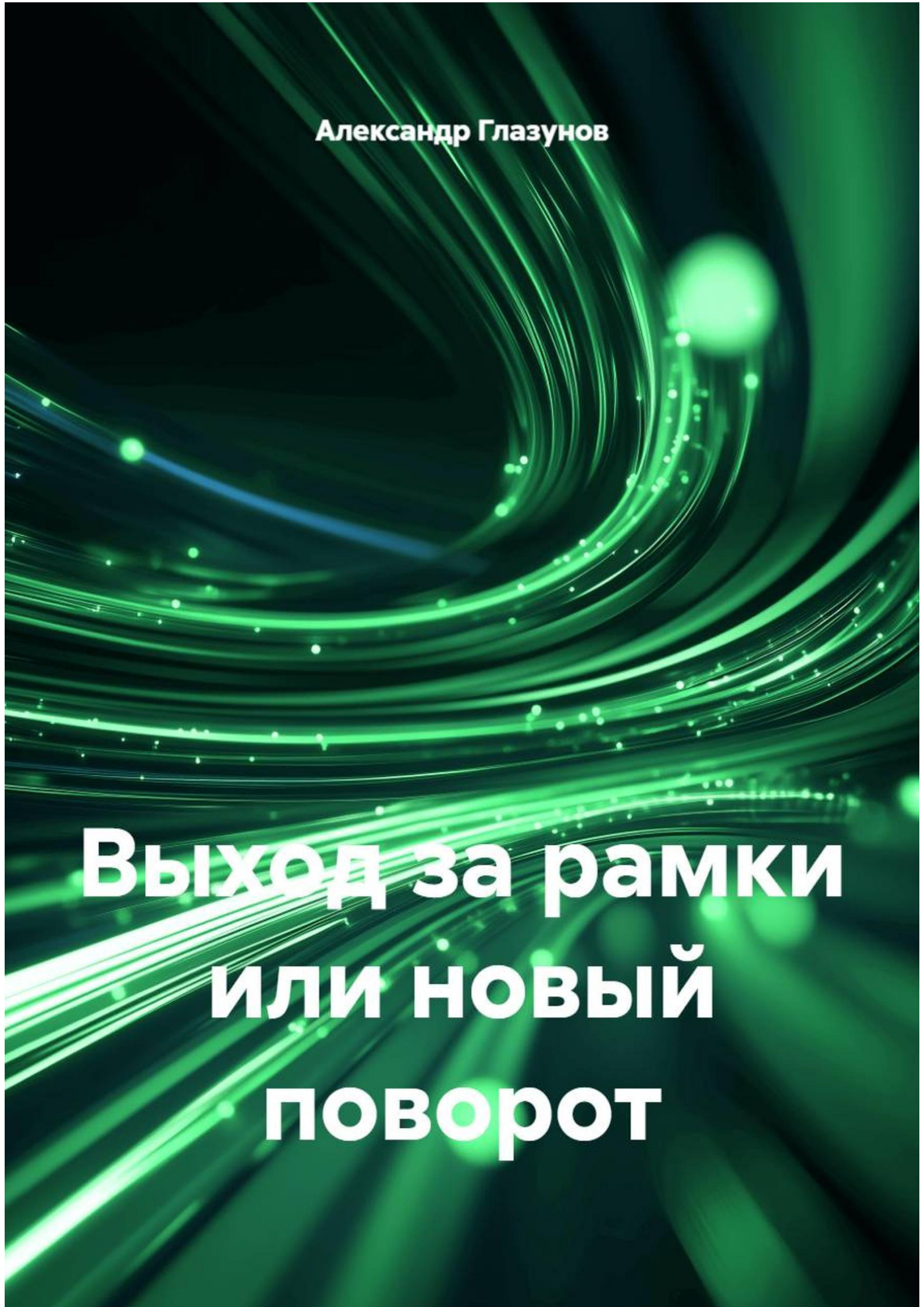

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flow from the top left towards the bottom right, creating a sense of dynamic movement. Interspersed among the trails are numerous small, bright green dots and larger, soft green bokeh spheres, which add depth and a futuristic feel to the design.

Александр Глазунов

Выход за рамки или новый поворот

Александр Глазунов

**Выход за рамки
или новый поворот**

«Автор»

2026

Глазунов А.

Выход за рамки или новый поворот / А. Глазунов — «Автор»,
2026

Новый день предвещает лишь новые страдания...и так протекает вся жизнь.
Обычный день из жизни обычного на первый взгляд человека-что он может
нам рассказать? Как много мы знаем о внутреннем устройстве каждого из нас.
Пожалуй, стоит иногда прислушаться к тем, кто чаще всего молчит о своих
бедах

© Глазунов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Глазунов

Выход за рамки или новый поворот

Выход. Обходной путь университета. Проходная. Вновь свежий воздух обрамляет ноздри, загоняя внутрь привычные остатки сигаретного дыма. Дождя не намечается. Серая стена с неизвестно кем и для чего сделанными узорами вторит забору на другой стороне улицы, ограждающему осенний парк. Таковым ему приходится существовать не только в нынешний момент, но и в любые иные моменты, напоминая о вчерашнем и огорчая завтрашним днем. Улица расширяется. Усиливается гул машин. Снова не работает светофор. Направление: через дорогу, на ту сторону. Долгий путь домой. Меня унижает эта трата времени. Расходовать одну двадцать четвертую часть дня на дорогу в один конец города, и столько же, дабы увидеть родной дом. Удовольствие присутствует лишь во второй части пути, но оно не имеет смысла без первой. Потому дорога не плоха и не хороша. Она просто есть, и все, что в ней заключено, то есть придает ей значения, не досталось ей с рождения. Это дар людей, ежедневно подносящих свои невзгоды и страдания, страхи и переживания. И те малые, что даже к немногим не могут относиться, кто оставляют свои краски, забывают, что одни такие, обречённые сами быть несчастными. Хранение печали. Замок слишком хлипкий, чтобы удержать все внутреннее от ускользания в чужие умы. И там по итогу будет вариться новый бульон. Отравленный бульон. Для владельца ума он станет столь неподъёмным, что непременно захочет исторгнуть его из своего царства. Нерушимого, чистого, беззаботного. И если случится такое, что это новое порождение найдет изначального родителя той заблудшей в умах гадости, заберется к нему в голову, сердце, печень, желудок, или где там может быть еще субстанция, именуемая «душой», то отравленных станет уже двое. Подобное можно проделать с каждым, и в этом видится для кого-то несправедливость, для меня – лишь закономерное стечение обстоятельств, последствия действий, больше необдуманных по общему мнению. Но вопрос кроется не в пространённости того или иного суждения, а в личном, субъективном отношении к данному явлению. Будешь готов принять ответный удар или потеряешь контроль над собственным телом – не будет других главных, ответственных лиц в этом представлении, кроме тебя. Кроме тебя тут никого нет.

КРОМЕ ТЕБЯ ТУТ НИКОГО НЕТ!

Вагон метро и вправду не содержал других, похожих на меня, людей. И не только похожих на меня. Здесь было пусто в полном смысле этого слова. Все, кто хотел, уже разъехались по работам, оттого у такого количества сидений в данный час было мало проку. Бездействие висело в воздухе, пропитывало весь вагон и меня в придачу. Остается ждать. Скоро прибытие. Проверив время понял, что не определился с изначальным понятием «скоро», потому всплывшее на телефоне время я воспринял как набор чисел. Одиннадцать и пятьдесят девять. Семьдесят в сумме и сорок восемь в вычитании (или минус сорок восемь, если учитывать указанный изначальным порядком и не переставлять числа местами для избавления от минуса перед числом результата). «Не рано и не поздно» - не знаю, для чего в принципе смотрел на время. Так иногда хочется, чтобы оно отсутствовало. Хотя бы забавы ради поглядеть на тех пунктуальных, вечно планирующих людишек, что и жить не смогут без графика. Может у них и дата смерти уже распланирована? И, как подобает любому важному жизненному событию, тем более переходному, оно из будоражит, потому и готовиться начинают к нему заранее. Как только обретают самосознание и чувствуют, что эта самая неизбежность уже их дожидается. Потому не иначе, как волнительным, этот путь до могилы не назовешь. Волнение помогает. Оно подсказывает об опасности, о возможности упустить нечто важное. Как из семечка расцветает стебель, так и внутри меня нечто обволакивает всю грудную клетку. И этот предательский знак при вдохе,

словно все это беспокойство можно изрыгнуть, очистить организм от напасти. И сейчас оно также. В чем же... Ах...

Моя станция почти исчезла за закрывающимися дверьми вагона, и в последний момент я успел перебраться на нее до того, как поезд увез бы меня дальше. «Пришлось бы тебе вновь появиться передо мной! Извини за это!» - станции итак перегружены работой, потому не стоит лишний раз их тревожить. Не иначе как «почти облажался». «Почти не считается» - так говорил отец. И теперь я вторю ему. Не больше, чем смех это все. Пора возвращаться домой. Это лишь половина той части пути, что должна приносить удовольствие.

...

«Этот подъем... Раньше он не казался таким изнурительным...» - отдышка не дает собраться с мыслями. «Может заняться спортом? Похудеть наконец? Ты хоть сам себе веришь?...» - к сожалению, в таких, как наш дома, что видели многие годы прошлого, оттого и хотят уже разложиться, лифты не предусмотрены, потому почти ежедневные подъёмы и спуски остаются лишь на нашей совести. Добираюсь до своего этажа. Поиск ключа. «И зачем столько брелоков нацепил на него? Хоть с помощью них легко вслепую найти всю связку, но потом сплошная мука выклеивать сам ключ из них» - находка попадаетсЯ взгляду, и пальцы начинают нелепо хвататься за зазубренную часть ключа. И так неуверенно, в таких неуклюжих стараниях, что это н по нраву самому ключу. Ему остается лишь махнуть несуществующей ручкой перед тем, как выпасть из уже моей руки. Как финальный аккорд отчаяния всей ситуации по подъезду разносится звон. Да еще так чисто! Специально все так обустроено здесь, чтобы с любого этажа слышали, знали о чьем-то провале в схватке с неугомонным соперником. В голове лишь повисает знакомое: «Ты не пройдешь!» В смирительном поклоне пытаюсь поднять связку. Боль в груди справа. Делаю резкий вдох. Боль стала сильнее. В руке уверенно держу поработенный ключ. «Соперник определенно выучил мои слабости» - не давая ему второго шанса, засовываю ключ в дверь. Один поворот. Дергаю ручку. Ответное сопротивление. «Никого нет что ли?» - второй поворот. Вновь дергаю ручку. Дверь поддается, распахивая нутро квартиры. «Наконец то дома» - прошло еще пара секунд борьбы с неугомонным застрявшим в замочной скважине ключом перед тем, как за мной захлопнулась дверь. Раздеваюсь. Ботинки не хотя слезят с ног, как и всегда. Грязные... вроде нет. Поставлю к остальным. По левую сторону коридора – ванна, она же и туалет. У привилегированных отбросов общества они разделены. Кто-то со временем дошел до такого разнообразия, у кого-то подобная напасть с рождения. Детей в целом с ранних лет приучают гадить в любом месте. Чуть что - и горшок появляется в нужное время под тобой. Так что позывы могут приходить, когда им захочется. Вот тебе и проблема разделения. Общая ванна – туалет сближают людей, если это, в особенности, семья. Конфликты на почве длительного заточения одного из членов семейства в туалете, или радость от принятия ванны ребенком в компании наблюдающей матери – как много упускают обладатели туалетов и ванн одиночек.

Захожу, мою руки. Стараюсь не смотреть в зеркало. Это отвлекает от процесса. Выключив кран, поворачиваюсь, чтобы взять полотенце. Боковое зрение предательски показывает моему разуму отражение в еще более предательском зеркале. Гадость, каков урод. Не хочется даже вытирать руки, но надо быстрее покинуть ванну, а с мокрыми руками нельзя выйти. Полотенце обтирает ладони. Стряхиваю остаточные капли (их и так не было). Выключив свет в коридор, направляюсь вглубь квартиры. «Дверь закрыл?» - да. «Точно закрыл?» - да, точно. «Ты проверил?» - да, проверил. «Как ты проверил?» - дернул за ручку. «Еще раз. Покажи это!» - зачем? Я ж сказал, что проверил. «Сделай это еще раз!» - не буду я это делать! «Сделай, кому говорю!» - не буду... «СДЕЛАЙ ИЛИ...» - ладно, хватит уже. Разворачиваюсь к входной двери. Стою к ней почти вплотную. Ладонь соединяется с дверной ручкой. Движение вниз и вперед. Закрыто. Отпускаю ручку. Стало спокойней. Теперь уже точно перехожу в комнату. Она кажется родной. Не просто так. Сильная привязанность к месту, где прожил более 20 лет –

это и есть определение «родной»? При том, что на моей памяти ее интерьер менялся раз пять. Может и больше, но таких воспоминаний моя память уже не воспроизводит. Потому и нынешнее состояние комнаты хоть и удовлетворяет меня, но в целом остаюсь к нему безразличным. «Как можно так относиться к месту, где спишь и работаешь?» - уже слова матери проносятся в удаленном уголке черепушки. «Человек привыкает ко всему, и я также не обделён подобным свойством» - одна из немногих истин, что постоянна в любой момент жизни. Продвигаясь по комнате, обхожу письменный стол. Он же и компьютерный. Тяжко за ним заниматься чем-то, не связанным с самим компьютером. «Все пути ведут к нему...» - печальная констатация действительности. Ну да ладно. Шарюсь в кармане джинсов. Вытаскиваю проездной. Кладу на стол, и странно смотрю на него. Что-то... «Точно, рюкзак в коридоре забыл».

...

Принял положение лежа на диване. В доме все еще никого, кроме меня. «Может почитать сейчас?» - можно, но есть одно «но». Каждый раз, начиная читать в подобной обстановке, кто-то возвращается домой и в таком состоянии я уж не могу полностью сосредоточиться на чтении. Раньше думал, что дело в книге, которую я читаю в такие моменты. Она недостаточно погружает в себя, или мне не сильно интересно вчитываться в нее. Неважно. Между нами отсутствуют прочные связи, из-за этого посторонние раздражители влияют на нас куда сильнее, чем надо. А раз эту связь могут погубить посторонние, то не вопрос ли в самой связи? Так ли мы созданы друг для друга? Видимо нет. В подобное я раньше верил. Но проходили месяцы и годы. А ситуация не менялась. Какую бы книгу не брал, в уединении она становилась лучшим чтивом за всю жизнь. Но стоило кому-то появиться в комнате... Иногда хотелось сжечь на месте, или выкинуть из окна, да так, чтобы долетела до ближайшей мусорки.

Прошрое, настоящее и будущее – ничего не изменилось. Все это повторяется вновь и вновь. А может и правда, все дело в книгах? Может все это время я был слеп и не понимал, что читаю мусор? И за этот мусор еще плачу неоправданные деньги. Столько потраченных впустую часов чтения разного рода дряни, и мне до сих пор хочется верить, что дело не в них? Может стоит для начала определиться с этой самой «дрянью»? Кого или какое произведение причисляется к столь неуважительному списку? Считается ли, если глубоко не погружаешься в произведение, признаком дурного вкуса? В того же Пелевина можно и не нырять со всей пустопорожней головой и стараться выделить каждую деталь и контекст. Если мне приносит удовольствие сама форма письма, то по большей части я стану наслаждаться именно ей, и уже вдобавок, что называется, «выкупать отсылки». Тогда, если оценивать по такому критерию, то не думаю, что жалел о прочтении какой-либо книги. Жалеть именно в контексте утраченного времени. Раз уж прочёл нечто, пускай и не лучшего качества, то что же теперь? Просить время обратно? Плакать и страдать на этот счет бесполезно, хотя на этом кто-то и остается в развитии познания и почитания книг – лишь плакаться об отвратительности своего чтива. Если заподозрили гниль, то сразу выплюнь, а не ешь дальше в надежде получить ягоду. Ведь когда таковая все же придет, то ее сладость не перекроет уже потребленную горечь. Я не жалел о таком. Так что? Стоит все-таки читать? «Стоит!» - но что? «...» - выбор велик, впрочем, как и всегда, глаза разбегаются от счастья, что имею столько пассивных знаний, и от ужаса, что однажды стеллаж и полки обвалятся под тяжестью скопленной макулатуры. Уже говорили, что на «все это» уходит непомерное количество денег, все той же макулатуры. «Равноценный обмен!» - с поправкой на ежедневный курс.

Впервые задумался, что многие книги начинаю и не заканчиваю. Такие помню лучше, чем полностью прочитанные. Даже не помню, какую книгу прочитал последней... Кажется, это был «Колокол Нагасаки». Автора, правда, не помню. Вечная проблема с азиатскими именами и фамилиями. Неважно. Эта небольшая книжка занимает столь малое место в моем собрании, что не сразу могу ее отыскать. С серой обложкой, словно она должна была быть цветной, но под рукой оказался лишь черно-белый принтер. Дешево и сердито. Денег не жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.